К
32
Бер

СКОВСКАЯ ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ КОМИССІЯ
при Временномъ Комитетѣ Государственной Думы.

Николай Бердяевъ.

ВОЗМОЖНА-ЛИ СОЦІАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ?

Цѣна 30 коп.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ.
Типографія Биржевого Общества
1917 г.

К32

„Пров 38“

Возможна-ли соціальная революція?

I.

Вопросъ о томъ, возможна ли соціальная революція, сейчасъ безпокоитъ и волнуетъ русское народное сознаніе, онъ брошенъ въ широкія массы рабочихъ и крестьянъ и вызываетъ раздоры и раздѣленія. Въ Россіи произошелъ великій революціонный переворотъ, онъ все привелъ въ движеніе и раскрылъ для трудящихся массъ русскаго народа широкій и свободный путь къ новой жизни. Тѣ, которые еще совсѣмъ недавно были въ полномъ почти порабощеніи, нынѣ призываются къ народовластію и къ опредѣленію судьбы русскаго государства. Переходъ въ нѣсколько дней отъ деспотической монархіи, которая и послѣ 17 октября 1905 года оставалась самодержавной по существу, къ демократической республикѣ есть, конечно, очень радикальная политическая революція. Эта революція уже совершилась и поставила всю дальнѣйшую исторію Россіи въ зависимость отъ Учредительнаго Собранія, созваннаго на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, т. е. отъ чистаго народовластія, отъ чистой демократіи. Этимъ раскрываются для рус-

скаго народа всѣ возможности, на пути его не поставлено никакихъ преградъ. Не соціальная борьба классовъ привела у насъ къ политическому перевороту, а непримиримое столкновеніе старой власти со всѣми классами общества, со всѣмъ русскимъ народомъ, всей націей. Старая власть измѣнила Россіи, она сгнила и должна была пасть. Но общенаціональный политическій переворотъ вызвалъ наружу всѣ соціальныя противорѣчія, онъ обнаружилъ всѣ застарѣлыя соціальныя болѣзни. Съ большимъ запозданіемъ совершилось политическое освобожденіе Россіи. Передъ нами стоитъ опытъ западно-европейской исторіи XIX вѣка, который показалъ, что чисто политическое освобожденіе не освобождаетъ еще реально трудящагося народа, что даже въ политическихъ демократіяхъ онъ можетъ оставаться въ матеріальномъ угнетеніи, что политическія революціи не уменьшаютъ сами по себѣ пропасти между богатыми и бѣдными. Въ Россіи, въ нынѣшній, поздній часъ исторіи, не можетъ уже быть того увлеченія чисто либеральными идеями, которое было на Западѣ. Такъ называемый „буржуазный либерализмъ“ никогда не былъ популяренъ въ Россіи, къ нему всегда относились подозрительно. Слово либерализмъ происходитъ отъ слова свобода и самъ по себѣ либерализмъ, освобождающій личность и обезпечивающій ея права, не можетъ быть „буржуазнымъ“. Въ свободѣ и правѣ ничего нѣтъ „буржуазнаго“ и онѣ всегда представляютъ великія блага. „Буржуазнымъ“ же было такое перенесеніе либерализма въ экономическую область, при которомъ вся хозяйственная жизнь отдавалась во власть свободной конкуренціи и государ-

ство и организованное общество совсѣмъ въ нее не вмѣшивалось. Но можетъ быть и либеральный соціализмъ, т. е. основанный на свободѣ и правѣ. Русская революція не выдвинула никакихъ новыхъ оригинальныхъ идей. Но въ ней несомнѣнно начали преобладать идеи соціалистическія надъ идеями либеральными, (не только въ плохомъ, но и въ хорошемъ смыслѣ слова), въ ней сразу же почувствовалась недостаточность освобожденія политическаго и необходимость освобожденія соціальнаго.

Рабочій классъ большихъ городовъ всегда играетъ значительную роль въ революціонныхъ переворотахъ, онъ выходитъ на улицу и въ происходящей борьбѣ склоняетъ чашу вѣсовъ на сторону революціи. Въ дни революціи и въ первые мѣсяцы послѣ нея рабочій классъ играетъ бо́льшую политическую роль, чѣмъ это соотвѣтствуетъ его соціальному значенію въ томъ огромномъ и таинственномъ организмѣ, который именуется Россіей. Еще большую политическую роль играетъ у насъ крестьянство, одѣтое въ солдатскія шинели, и роль крестьянства будетъ возростать, такъ какъ оно составляетъ большую часть русскаго народа. Но это значеніе и сила рабочихъ и крестьянъ-солдатъ не соотвѣтствуетъ ихъ организованности, ихъ сознательности, ихъ общественному опыту и общественнымъ познаніямъ, которыя очень незначительны. Трудно въ нѣсколько недѣль и даже въ нѣсколько мѣсяцевъ такъ организоваться, пріобрѣсти такой опытъ, сознаніе и знаніе, чтобы получить преобладающее положительное значеніе въ огромномъ соціальномъ организмѣ русскаго государства. Зна-

ченіе людей и цѣлыхъ классовъ для строительства жизни опредѣляется не только количествами, но и качествами. Если разрушительную роль можетъ съиграть всякая масса, на какомъ бы низкомъ уровнѣ просвѣщенія она ни стояла, то роль созидающую, положительную, творческую можетъ съиграть лишь та масса, которая будетъ стоять на болѣе высокомъ уровнѣ культуры. Нельзя рѣшать соціальные вопросы, совсѣмъ ничего о нихъ не зная, не имѣя никакой подготовки и опыта. Недостаточно имѣть опредѣленные интересы, извѣстныя чувства и настроенія. И еще нужно сказать, что мы не знаемъ голоса всего русскаго народа,—этаго огромнаго и таинственнаго цѣлаго,—о соціальномъ устройствѣ Россіи, о рѣшеніи вопроса аграрнаго и рабочаго. Голосъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ не можетъ быть признанъ голосомъ всего русскаго народа. Это все еще голосъ части, голосъ частный. Лишь Учредительное Собраніе полномочно рѣшать соціальные вопросы въ Россіи. И прежде всего нужно признать, что вопросы эти очень трудные и сложные и рѣшеніе ихъ требуетъ большой подготовки. Въ соціальной жизни ничего нельзя сдѣлать насильственнымъ путемъ въ короткій промежутокъ времени. Можно многое разрушить такимъ путемъ, но ничего нельзя создать. Это вопросъ не политической власти, которая въ одинъ день можетъ быть замѣнена другой. Всякое развитіе въ соціальномъ строѣ человѣческихъ обществъ есть длительный и медленный процессъ. Это измѣненіе въ клѣткахъ, въ первоначальной ткани общества, въ отношеніи человѣка къ природѣ и человѣка къ человѣку. И вотъ это измѣненіе въ ткани

общества, въ отношеніи человѣка къ природѣ и человѣка къ человѣку, измѣненіе экономическое и психическое, не можетъ быть внезапнымъ, не можетъ быть столь видимымъ на короткомъ промежуткѣ времени, какъ сверженіе политической власти. А это и значитъ, что можетъ быть лишь соціальная эволюція, но не можетъ быть и никогда не бываетъ соціальной революціи.

II.

Революціи никогда не бываютъ разумны. Онѣ потому и происходятъ, что во всемъ предшествующемъ ходѣ событій было отпаденіе отъ разума, было не только неразумное, но и безумное сопротивленіе всякому развитію, всякому улучшенію, всякимъ реформамъ. Странно было бы ожидать и требовать отъ революціи разумности. Революція можетъ быть великимъ событіемъ въ жизни народа, въ ней сгораетъ старое зло и раскрывается путь къ новой жизни. Но время революціи никогда не бываетъ легкимъ, въ немъ не наступаетъ счастье для народа, время это всегда есть испытаніе для народа, въ немъ много безумія. Никогда революція не приноситъ того, чего отъ нея ждутъ, она всегда разочаровываетъ. Этому научила насъ великая французская революція: отъ нея ждали рая на землѣ, но въ ней оказалось слишкомъ много напоминающаго адъ и привела она къ результатамъ незначительнымъ по сравненію съ ожиданіями. Послѣ великой французской революціи была не одна реакція, а нѣсколько, и лишь черезъ 80 лѣтъ установилась демократическая республика. Такъ

и всегда бывало въ исторіи. И въ русской революціи слишкомъ многое повторяется, не все такъ ново и оригинально, какъ можетъ показаться людямъ незнающимъ исторіи или забывшимъ ее. Не въ первый разъ въ исторіи хотятъ превратить политическую революцію въ соціальную, въ радикальное измѣненіе соціально-экономическаго строя общества и соотношенія классовъ. Такое стремленіе бывало почти во всѣхъ большихъ революціяхъ. При всѣхъ революціонныхъ переворотахъ, хотя бы они были самыми „буржуазными" по историческому моменту и по соотношенію историческихъ силъ, трудящійся народъ ждетъ своего окончательнаго освобожденія. Всегда рождались мечты и утопіи, которыя потомъ безпощадно разбивались жизнью. Зло въ этомъ мірѣ всегда оказывается сильнѣе добра и это зло обнаруживается, какъ у тѣхъ, которые стремятся къ соціальному раю, такъ и у тѣхъ, которые имъ противодѣйствуютъ. Опытъ превращенія политической революціи въ революцію соціальную былъ уже сдѣланъ во Франціи въ 48 года и привелъ къ воцаренію Наполеона III на долгое время. Часъ соціальной революціи не пробилъ еще тогда, не пробилъ онъ и позже, въ 71 году. Въ 71 году послѣ катастрофы франко-прусской войны, когда Франція была унижена и разбита, въ Парижѣ была введена Коммуна, въ которой была осуществлена диктатура меньшинства парижскихъ рабочихъ надъ большинствомъ французскаго народа. Опытъ этотъ кончился очень печально. Коммуна утонула въ крови. Соціалистическое движеніе было отброшено назадъ. Установившаяся послѣ этого республика была рѣзко буржуазной. Никакихъ

реальныхъ завоеваній для рабочихъ этотъ опытъ не далъ. И въ прежнія времена бывали такія попытки; разгоряченныя мечты о соціальномъ раѣ не разъ владѣли народными массами. И всегда, всегда это кончалось тѣмъ, что отъ насильственнаго водворенія соціальнаго рая народъ получалъ не больше, а меньше,—онъ отбрасывался назадъ. Опыты насильственной „соціальной революціи“ никогда не давали и никогда не дадутъ хлѣба изголодавшемуся народу, они вносятъ дезорганизацію въ хозяйственную жизнь, въ источники питанія, и уменьшаютъ количество хлѣба. Эти опыты никогда не ведутъ къ братству людей, они вносятъ раздѣленіе, злобу и ненависть. Хлѣбъ даетъ соціальная организація, увеличеніе производительности труда, соціальныя реформы. Къ братству же ведетъ нравственное и духовное возрожденіе людей, измѣненіе самого человѣка. Если сердце человѣка полно злобы и ненависти, если руководитъ человѣкомъ одна корысть, то братства быть не можетъ. Въ эпоху реформаціи въ Германіи, во время крестьянскихъ войнъ были попытки насильственными революціонными путями водворить царство соціальной справедливости, царство Божьей правды на землѣ. Іоаннъ Лейденскій создалъ принудительное братство, царство Сіона. Лютеръ чувствовалъ, что все это движеніе ложное, что оно не приведетъ къ добру, и противился ему, хотя и не совсѣмъ хорошими способами. Вмѣсто братства, вмѣсто царства Божьяго на землѣ, наступили ужасы, взаимное истребленіе, ненависть и кровь. Соціалистъ Лассаль даже признавалъ, что крестьянскія войны съ ихъ крайними соціальными требованіями, не соот-

вѣтствующими реальному соотношенію силъ и историческимъ задачамъ того времени, скорѣе реакціонны, чѣмъ прогрессивны. Братство, царство Божье на землѣ не можетъ быть водворено насиліемъ, оно не можетъ быть добыто революціоннымъ переворотомъ. Царство Божье приходитъ непримѣтно. Это остается вѣчной истиной.

III.

И вотъ еще разъ въ исторіи, въ атмосферѣ революціоннаго опьяненія, когда все расковалось, запоздалую политическую революцію хотятъ превратить въ революцію соціальную, въ соціалистическую революцію, хотятъ сразу, мгновенно перескочить черезъ длинный рядъ ступеней, пройденныхъ народами Западной Европы, и осуществить самыя крайнія соціальныя цѣли, осуществить царство окончательной соціальной справедливости и правды. Русская революція хочетъ сдѣлаться всемірной революціей, обновить весь міръ, она надѣется увлечь за собой всѣ народы Запада въ огонь соціальной революціи, въ которомъ сгоритъ старый міръ и создастся міръ новый. И русскіе соціалъ-демократы впадаютъ въ противорѣчіе, которое не можетъ не броситься въ глаза. Они все время говорятъ, что русская революція буржуазная, а не пролетарская, и хотятъ, чтобы въ этой буржуазной революціи пролетаріатъ игралъ главную роль и осуществилъ свои соціальныя требованія. Не впервые является въ исторіи такое требованіе и оно человѣчески понятно. Тѣмъ, кому тяжело живется, такъ естественно мечтать о скорѣйшемъ

достиженіи лучшей, болѣе счастливой жизни. Никто не станетъ винить рабочихъ за то, что они слишкомъ далеко заходятъ въ своихъ пожеланіяхъ, мечтахъ и ожиданіяхъ. Но виноваты тѣ интеллигенты-соціалисты, которые выбрасываютъ крайніе соціальные лозунги, въ осуществленіе которыхъ они сами не вѣрятъ и дѣлаютъ это для того, чтобы привлечь на свою сторону массу. Тѣ соціалисты, которые держатся ученія Маркса, забываютъ основы марксизма. Марксъ училъ, что буржуазіи принадлежитъ прогрессивная и революціонная роль въ исторіи, пока она способствуетъ производственному прогрессу, пока она еще въ расцвѣтѣ; онъ училъ, что соціализмъ возможенъ лишь при высокомъ развитіи производительныхъ силъ страны, что соціализмъ оправдывается лишь тогда, если онъ увеличиваетъ производительность труда, что соціализмъ можетъ осуществиться лишь послѣ длительнаго процесса соціальнаго развитія и соціальной организаціи. Соціализмъ невозможенъ въ странѣ промышленно отсталой, при неорганизованности, недостаточной сознательности и недостаточной просвѣщенности рабочаго класса. Это прекрасно знаютъ наши соціалъ-демократы. Ни состояніе русской промышленности, ни состояніе рабочаго класса, не пережившаго никакой организованной исторіи, не даетъ марксистамъ никакихъ основаній ожидать скораго осуществленія соціализма. Въ чудеса же и въ мгновенное духовное перерожденіе человѣчества соціалъ-демократы не вѣрятъ. Что касается нашихъ соціалистовъ-народниковъ, то они слишкомъ много берутъ на себя, утверждая, что огромная и многосоставная масса русскаго

крестьянства непремѣнно выскажется за соціализмъ и за соціализацію земли. Все это будетъ сложнѣе, чѣмъ кажется.

Марксизмъ пережилъ длинный процессъ развитія. Соціалистическое ученіе Маркса и Энгельса впервые сложилось въ революціонной атмосферѣ Европы послѣ революцій 48 года. И въ первый періодъ марксизма, въ дни его молодости, вѣрилось въ возможность близкой соціальной революціи. Марксизмъ совмѣщалъ въ себѣ двѣ стороны: одну — объективно-научную, которая говорила о законахъ соціальнаго развитія, о зависимости всякихъ измѣненій въ распредѣленіи и въ осуществленіи соціальной справедливости отъ состоянія производства, другая — субъективно-классовая, которая ставила осуществленіе соціализма въ зависимость отъ активности самаго рабочаго класса. Эти двѣ стороны марксистскаго соціализма нерѣдко вступаютъ въ противорѣчіе. Въ марксизмѣ русскомъ всегда преобладала вторая сторона, первая же сторона отступала на второй планъ. Русскіе соціалъ-демократы вѣрили и вѣрятъ въ чудеса, которыя могутъ произойти отъ активности рабочаго класса. На этомъ основана ихъ вѣра въ возможность скорой соціальной революціи. Въ самой же объективной, научной сторонѣ марксизма произошли большія измѣненія, которыя подорвали основы теоріи соціальной революціи. По Марксу, катастрофа капиталистическаго общества неотвратимо должна произойти въ силу развитія внутри его противорѣчій, концентраціи капиталовъ, перепроизводства и кризисовъ, и прогрессирующаго обнищанія рабочаго класса, отъ котораго

растетъ недовольство и классовая рознь. Эти теоріи были построены подъ вліяніемъ первоначальнаго періода капиталистическаго развитія въ Англіи. Но дальнѣйшее развитіе капиталистической промышленности пошло не тѣмъ путемъ, который указывалъ Марксъ, не путемъ развитія противоположностей, наростанія катастрофы и ухудшенія положенія рабочихъ. Внутри самаго капиталистическаго общества начинается смягченіе злыхъ и темныхъ его сторонъ, улучшеніе положенія рабочихъ путемъ ихъ организаціи и ихъ планомѣрной борьбы за улучшеніе своего положенія, предотвращеніе катастрофы путемъ соціальныхъ реформъ, смягчающихъ противорѣчія. Капиталистическая промышленность приспособляется все къ новымъ и новымъ условіямъ своего существованія, она болѣе устойчива и живуча, чѣмъ казалось Марксу. Но природа ея мѣняется. Рабочіе организуются и оказываютъ все большее и большее вліяніе на жизнь хозяйственную и жизнь государственную. Государство вмѣшивается въ отношенія рабочихъ и капиталистовъ и защищаетъ интересы труда. Происходитъ не ухудшеніе, которое должно привести къ соціальной революціи, а улучшеніе, т. е. реформированіе общества, соціальная эволюція. Рабочіе становятся гражданами, они обрѣтаютъ отечество.

IV.

Происходитъ постепенное, непримѣтное измѣненіе соціальной ткани, перерожденіе общества, процессъ, который въ физіологіи называется молекулярнымъ, т. е. соціальная эволюція, а не революція. Съ одной сторо-

ны возрастаетъ производительность труда, которая дѣлаетъ богаче народъ, какъ цѣлое, съ другой стороны измѣняется психика людей, ихъ отношеніе другъ къ другу. Безъ духовнаго измѣненія человѣка, безъ нравственнаго перерожденія, побѣждающаго исключительную власть эгоизма и корыстныхъ интересовъ и устанавливающаго между людьми возможность единенія и братства, ни о какомъ соціализмѣ, ни о какомъ соціальномъ возрожденіи не можетъ быть и рѣчи. Пока масса рабочихъ и крестьянъ находится въ тьмѣ, пока она лишена элементарнаго просвѣщенія и сознательности, пока въ ней не проснулось нравственное и соціальное сознаніе, побѣждающее эгоизмъ и личные интересы, нельзя говорить объ осуществленіи соціализма серьезно и съ чувствомъ отвѣтственности. На слишкомъ низкомъ уровнѣ культуры, когда нѣтъ еще духовной самодисциплины и духовнаго закала личности, средняя масса рабочихъ и крестьянъ понимаетъ лозунги соціализма лично-корыстно, исключительно въ смыслѣ захвата и присвоенія себѣ добычи. Темная масса воспринимаетъ соціализмъ не только не соціально, но и противосоціально. Въ идею соціализма входитъ регулированіе и организація цѣлаго, борьба съ анархіей и дезорганизаціей въ хозяйственной жизни. Такъ понималъ соціализмъ еще основатель его въ древности Платонъ. Но при томъ соціальномъ и культурномъ уровнѣ, на которомъ находится сейчасъ въ Россіи большая часть трудящейся народной массы, принудительно державшаяся при старомъ строѣ въ тьмѣ, торжествуетъ не соціалистическая идея, направленная на великое цѣлое, а враждебная всякой соціальности

корысть, частный интересъ, возстаніе части на цѣлое. Во имя корыстныхъ интересовъ не останавливаются передъ разрушеніемъ промышленности, передъ гибелью сельскаго хозяйства. Такъ происходитъ не соціальная революція и не соціальная эволюція, а дезорганизація хозяйственнаго цѣлаго, разрушеніе и отбрасываніе назадъ. И первая соціальная задача, передъ которой стоитъ Россія, есть задача просвѣщенія народа, просвѣщенія умственнаго и нравственнаго, подъема его культуры, духовнаго его возрожденія. Безъ этого не будетъ рѣшенъ и вопросъ о хлѣбѣ насущномъ. Многое изъ того, что сейчасъ происходитъ на Руси и именуется „соціальной революціей", прямымъ путемъ ведетъ къ голоду, къ лишенію и того скуднаго хлѣба, который до сихъ поръ былъ у рабочихъ. Если рабочіе и крестьяне не будутъ настолько сознательны и нравственно отвѣтственны, чтобы имѣть всегда въ виду интересы цѣлаго Россіи, которое только и можетъ быть источникомъ ихъ питанія, если часть возстанетъ на цѣлое, то будетъ не улучшеніе, а ухудшеніе ихъ матеріальнаго положенія.

Общество всегда реформируется и совершенствуется сотрудничествомъ классовъ, а не раздѣленіемъ на двѣ ненавидящія и истребляющія другъ друга части, не гражданской войной. Одинъ классъ, возставшій на всѣ остальные классы, не можетъ улучшить общество, не можетъ привести къ соціальному братству. Никогда не будетъ и того, о чемъ думалъ Марксъ, т. е. превращенія большей части человѣчества въ пролетаріатъ. Останутся и другіе классы и подклассы, которыхъ нельзя истребить, которыхъ нельзя изнасиловать. Въ соціаль-

ную борьбу неизбѣжно входитъ моментъ нравственный. Идея соціализма должна быть не только экономической, но и нравственной идеей. Безъ нравственной основы и сама экономика распадается въ кучу мусора. Этическій соціализмъ ведетъ къ устраненію возможности насильственной соціальной революціи, всегда основанной на ненависти, на классовомъ интересѣ, не желающемъ знать никакой высшей правды. Это должны прежде всего понять классы имущіе, экономически господствующіе. Не было недостатка въ грозныхъ предупрежденіяхъ. Отъ этихъ классовъ многое зависитъ въ измѣненіи нравственной атмосферы, въ которой происходитъ современная соціальная борьба. Нельзя, конечно, требовать отъ средней массы какого-либо класса слишкомъ высокаго нравственнаго уровня и слишкомъ большихъ жертвъ. Но въ классахъ имущихъ, такъ называемыхъ „буржуазныхъ", можетъ и должно проснутся государственное и нравственное сознаніе нѣкоей правды соціальной, правды не классовой и не матеріалистической, и неизбѣжность соціализирующей тенденціи въ промышленной и хозяйственной жизни. Соціальная революція потому только и считается нужной, что не происходитъ соціальнаго улучшенія, развитія, борьбы съ соціальнымъ зломъ, норостанія добра и справедливости. Она основана на принципѣ: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Но когда происходитъ творческая соціальная эволюція, когда общество реформируется, когда возрастаетъ нравственное единеніе народа и сознаніе соціальнаго долга, тогда соціальная революція не нужна, паѳосъ соціальной революціи исчезаетъ. Соціализмъ перестаетъ быть религіей,

онъ дѣлается практической, реальной соціальной политикой, подчиненной высшимъ цѣламъ. Религіозныя чувства направляются на болѣе достойные и высокіе предметы, на Божество.

V.

Если употреблять слова въ болѣе глубокомъ и сознательномъ смыслѣ, то нужно сказать, что соціальныхъ революцій никогда не было и никогда не будетъ. Возможны лишь политическія революціи. „Соціальная революція“ есть длительный, почти незримый процессъ, она можетъ быть лишь измѣненіемъ отношенія человѣка къ природѣ, т. е. ростомъ производительныхъ силъ, и измѣненіемъ отношенія человѣка къ человѣку, т. е. ростомъ нравственной силы. А это и значитъ, что подъ „соціальной революціей“ можно понимать лишь соціальную эволюцію. Да и само увеличеніе производительной силы человѣка, его власти надъ стихійной природой не есть исключительно матеріальный, экономическій процессъ, и этотъ процессъ имѣетъ духовную основу, онъ связанъ съ организованностью и самодисциплиной человѣческой воли. Распущенность человѣка, нравственное разложеніе въ немъ ведетъ къ упадку соціальнаго творчества. Это можетъ быть и съ цѣлымъ народомъ. Особенно важно, чтобы русскіе поняли, что рѣшеніе соціальнаго вопроса прежде всего зависитъ отъ соціальнаго творчества, отъ хозяйственнаго созиданія, а не отъ раздѣла и разрушенія. Если борьба за власть можетъ привести къ политической революціи, къ сверженію старой власти и водворенію новой, то она никогда не

можетъ привести къ соціальной революціи. Въ огромной, сложной соціально-экономической жизни народовъ, ничто не можетъ быть достигнуто заговорами, возстаніями и бунтами, ничто положительное не можетъ родиться отъ насилій и захватовъ. Кровь, пролитая въ гражданской войнѣ, въ возстаніи класса на классъ, не удобряетъ землю и не готовитъ жатву, не приведетъ ни къ какимъ благамъ, необходимымъ для жизни народа, не накормитъ и не одѣнетъ, не спасетъ отъ голода и холода. Ненависть и злоба однаго класса къ другому не приведетъ къ соціальному братству, не устранитъ розни и раздѣленія. А соціальный вопросъ есть вопросъ о хлѣбѣ, одеждѣ и правѣ, о братствѣ и единеніи людей, о такой организаціи великаго цѣлаго, при которой не будетъ обездоленныхъ, не будетъ угнетенныхъ и голодныхъ и каждый въ силахъ будетъ развивать свою личность. Нужно какъ можно больше объяснять, что въ жизни соціальной все очень сложно и трудно, ничего нельзя рѣшить простыми и крайними лозунгами. Какъ сложенъ аграрный вопросъ, какъ раздѣлятся крестьяне въ его рѣшеніи! Тысяча нитей связываетъ жизнь соціальную съ огромной и таинственной жизнью природы и съ не менѣе огромной и таинственной жизнью человѣческаго духа. Но въ самой природѣ и въ самомъ духѣ человѣческомъ заложено какое-то зло, которое не такъ легко преодолѣть и побѣдить. Много улучшеній произойдетъ въ человѣческой жизни, много стараго зла отпадетъ безвозвратно, будетъ добытъ хлѣбъ насущный для всего народа, не только матеріальный, но и духовный хлѣбъ. Но рая на землѣ не наступитъ и передъ

человѣчествомъ будетъ лежать длинный путь къ высшей жизни. Опыты же „соціальныхъ революцій" могутъ вести лишь къ соціальной дезорганизаціи, къ разрушенію народнаго хозяйства, къ краху промышленности, отъ котораго прежде всего пострадаютъ рабочіе. И тогда наступитъ не соціальный рай, а соціальный адъ, съ тяжелой нуждой и враждой, съ кровью и разрушеніемъ, съ реакціями и возвратомъ назадъ. Въ этотъ адъ толкаютъ трудящійся народъ тѣ, которые соблазняютъ его немедленнымъ осуществленіемъ соціальнаго рая.

VI.

Россія — страна промышленно отсталая; это достаточно выяснилось во время войны, и въ ней должна еще развиваться капиталистическая промышленность. Но это промышленное развитіе не можетъ просто повторять исторію западныхъ странъ, особенно первый періодъ исторіи капитализма въ Англіи. Россія переходитъ къ болѣе высокой промышленной культурѣ, обогащенная опытомъ другихъ народовъ и въ другое историческое время, когда не можетъ быть уже никакого оправданія для экономическаго индивидуализма, когда невозможно уже нравственное увлеченіе идеей свободной конкурренціи. У насъ сразу же начинается борьба съ темными и злыми сторонами капитализма и будетъ происходить постепенная соціализація, государственное регулированіе хозяйственной жизни. Рабочіе организуются, образуютъ союзы и внутри самаго капиталистическаго общества будутъ улучшать свое положеніе и

увеличивать свое значеніе въ промышленной жизни Строй фабрикъ изъ самодержавнаго будетъ постепенно дѣлаться конституціоннымъ, не уничтожая личной иниціативы. На болѣе высокой ступени развитія промышленности и при большей организованности, сознательности и просвѣщенности, рабочій классъ въ состояніи будетъ болѣе непосредственно участвовать въ управленіи промышленностью. Но это есть сложное дѣло соціальной эволюціи и соціальныхъ реформъ, сотрудничества классовъ, а не соціальнаго переворота, въ которомъ одинъ классъ истребляетъ другой. Правду соціализма нужно искать въ идеѣ регулированія цѣлаго, сообразованіи всѣхъ и всего съ интересами соціальнаго организма, т. е. преодолѣніи анархіи и соціальной вражды, соціальнаго эгоизма въ обществѣ. Соціализація общества и есть большая степень его организованности, большее взаимное притяженіе его частей и его членовъ. На господствѣ личныхъ и классовыхъ интересовъ стоитъ буржуазно-капиталистическое общество. Соціальный идеализмъ долженъ быть побѣдой надъ этимъ господствомъ личныхъ и классовыхъ интересовъ и корысти. Рабочіе обвиняютъ промышленниковъ въ корысти, но, если сами они ничего не могутъ противопоставить этой корысти кромѣ собственной же корысти, то къ новой, лучшей жизни, къ большей правдѣ они не придутъ. Въ своей частной жизни люди могутъ руководствоваться корыстными интересами по своей слабости и грѣшности. У всѣхъ людей много эгоизма. Но когда въ жизни соціальной соединяются и группируются исключительно по совпаденію корыстныхъ интересовъ, то никакой

правды й справедливости, никакой болѣе высокой жизни не можетъ отъ этого произойти. Исключительно классовый, матеріалистическій соціализмъ подрываетъ самого себя. Лишь соединеніе во имя безкорыстной идеи, во имя правды и истины, можетъ вести къ новому, лучшему, болѣе прекрасному обществу. Долженъ народиться новый человѣкъ, новая человѣческая душа. Безъ этого всѣ „соціальныя революціи“ будутъ лишь перемѣной одежды, лишь обманчивымъ измѣненіемъ внѣшности. Рабы должны перестать быть рабами, дѣйствительно сдѣлаться, а не притворяться свободными, не носить костюма свободныхъ, оставаясь въ душѣ рабами, рабами своихъ страстей, своихъ интересовъ, своихъ наклонностей къ насилію, полученныхъ отъ старой жизни. Соціализмъ превращается въ рабство, если не лелѣетъ въ душѣ человѣческой свободы.

Война вызвала къ жизни совсѣмъ особую форму соціализма, соціализма военнаго, соціализма государственнаго по преимуществу. Проявленія этого соціализма мы видимъ каждый день въ карточкахъ на хлѣбъ и на сахаръ. Въ Германіи соціализмъ этотъ достигъ особенно высокой степени развитія. Въ его сторону есть движеніе и въ Англіи, сторонѣ питавшей отвращеніе къ государственному вмѣшательству и опекѣ. Этотъ военный соціализмъ вырабатываетъ навыки государственнаго регулированія и организаціи хозяйственной жизни. И вернуться къ прошлому, къ исключительно частному, индивидуалистическому хозяйствованію, народы не захотятъ и не смогутъ. Но этотъ военный соціализмъ не даетъ никакихъ основаній утверждать, что близится

соціальная революція. Наоборотъ, онъ дѣлаетъ соціальную революцію еще болѣе ненужной и невозможной. Въ цѣломъ народѣ, въ который входятъ всѣ классы, просыпается здоровое государственное чувство, которое заставляетъ лучше организовать хозяйственную жизнь и обезпечить для всѣхъ питаніе. Все это факты, не предусмотрѣнные ученіемъ Маркса и классового соціализма. Будущій соціальный строй нельзя предвидѣть. Онъ никогда не будетъ такимъ, какимъ представляютъ его себѣ разныя соціальныя ученія. Можно только сказать, что въ хозяйственной жизни начинаетъ обнаруживаться тенденція къ соціализаціи. Но соціализація эта осуществляется сложными путями и многообразными средствами. Кооперативное движеніе будетъ въ этомъ отношеніи имѣть не меньшее значеніе, чѣмъ государственный соціализмъ. И то, что принято въ разныхъ ученіяхъ и теоріяхъ называть „соціализмомъ", всегда будетъ или слишкомъ преждевременнымъ или слишкомъ запоздалымъ. „Соціалистическая революція" невозможна пока общество еще недостаточно подготовлено экономически и нравственно, недостаточно реформировано и развито, и „соціальная революція" ненужна, запоздала, когда общество далеко ушло впередъ по пути соціальныхъ реформъ, по пути нравственнаго перерожденія. Высшей формой соціалистическаго движенія нужно признать форму англійскую. Англійскій соціализмъ и болѣе практическій и болѣе идеалистическій, это — соціализмъ экономическій и культурный, а не революціонно-политическій. Революціонно-политическая форма соціалистическаго движенія не улучшаетъ положенія рабочихъ,

не даетъ хлѣба. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта форма движенія искажаетъ нравственное сознаніе рабочихъ, держитъ ихъ въ напряженіи злобныхъ и ненавистническихъ чувствъ. И нѣтъ никакихъ оправданій для того, чтобы въ русскомъ соціалистическомъ движеніи исключительно господствовала нѣмецкая соціалъ-демократическая форма. Соціализмъ всегда бываетъ національнымъ. У каждаго народа есть свой собственный соціализмъ. Французскій соціализмъ не походитъ на англійскій, англійскій не походитъ на нѣмецкій. Соціалъ-демократія есть исключительно нѣмецкая форма соціализма. И если возможенъ русскій соціализмъ, согласный съ характеромъ русскаго народа, то онъ долженъ носить нравственный и даже религіозный характеръ. А это значитъ, что соціалистическое движеніе должно быть съ одной стороны практически-реформаторскимъ, съ другой стороны идеалистическимъ, подчиненнымъ высшей цѣли, высшей правдѣ.

VII.

Классовой, революціонный соціализмъ долженъ быть отвергнутъ и съ научной и съ нравственной точки зрѣнія. Онъ не только не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и опровергается ходомъ исторіи, но также находится въ противорѣчіи съ нравственной природой человѣческой личности и съ ея религіозными надеждами. Такого рода соціализмъ искажаетъ и калѣчитъ душу русскаго народа, насилуетъ его какими-то чуждыми, вывезенными изъ Германіи ученіями. Революціонный соціализмъ есть какая-то ложная религія, которой хотятъ подмѣнить

истинную религію для народной души. Народная душа не можетъ жить безъ святыни и вотъ вмѣсто божественной, христіанской святыни, которой эта душа питалась и жила, хотятъ навязать ей насильственно святыню, въ которой Богъ замѣненъ матеріальнымъ устройствомъ земной жизни, обоготвореніемъ самого пролетаріата, его воли и интереса. Эта—религія лести человѣкамъ и народу, религія самообоготворенія. Такой религіей не можетъ жить народъ, ибо всякій народъ, какъ и всякій человѣкъ можетъ духовно жить лишь святыней, которая выше его самого. Увлеченіе соціальной революціей хочетъ быть религіознымъ увлеченіемъ. И оно должно быть разоблачено въ своей религіозной лжи и ничтожествѣ, изобличено въ желаніи поработить человѣка мечтой, которая можетъ привести лишь къ рабству и паденію. Полный, цѣльный и окончательный соціализмъ — невозможенъ, онъ есть лишь ложная и порабощающая мечта. Но возможенъ соціализмъ частичный, практическій, реформаторскій и этотъ соціализмъ долженъ быть согласованъ съ высшей культурой, подчиненъ высшимъ культурнымъ цѣлямъ. Русская революція будетъ имѣть свою соціальную сторону, она повлечетъ за собой смѣлыя соціальныя реформы. Но о соціальной революціи нельзя у насъ говорить серіозно и отвѣтственно. Эти разговоры должны быть разсматриваемы, какъ демагогія, какъ разжиганіе классовыхъ страстей, безъ внутренней вѣры въ то, что это приведетъ къ соціалистическому успѣху. Путемъ лжи и лести хотятъ переманить массу на свою сторону. У наиболѣе искреннихъ соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ есть не-

здоровая соціальная мечтательность, смѣшивающая теорію съ практикой, матеріальное устройство съ религіозной святыней, этотъ міръ съ другимъ невѣдомымъ міромъ. Но при невысокомъ нравственномъ уровнѣ людей не можетъ быть и совершеннаго общественнаго устройства. Къ совершенному обществу ведетъ любовь, а не ненависть.

Революція въ Россіи совершилась и кончилась. И теперь можетъ быть или положительное созиданіе и устройство новой жизни или разрушеніе и разложеніе. То, что теперь называютъ продолженіемъ революціи есть лишь разложеніе революціи, которое можетъ привести къ контръ-революціи и новому рабству. Въ этомъ грѣшномъ мірѣ не можетъ быть скачка изъ царства необходимости въ царство свободы, о которомъ говорилъ Марксъ и Энгельсъ. Возрожденіе человѣчества, освобожденіе его отъ рабства у природы, природы внѣшней и собственной внутренней природы, есть дѣло духовное, а не только матеріальное, не только соціальное. Безъ этаго духовнаго дѣла, отличнаго отъ всякой соціальной революціи, человѣкъ никогда не будетъ свободнымъ. Въ великомъ дѣлѣ освобожденія человѣка свою подчиненную роль сыграетъ и частичный соціализмъ. Но соціализмъ этотъ для всякаго сознательнаго человѣка, для котораго правда выше всего, долженъ быть соціализмомъ нравственнымъ, національнымъ, государственнымъ и культурнымъ, т. е. долженъ подчинить себя добру и правдѣ, высшимъ благамъ національности, государства, культуры, права и свободы. Русское соціалистическое движеніе или сознаетъ себя связаннымъ съ

національнымъ и государственнымъ единствомъ Россіи, съ задачами русской культуры, съ нравственнымъ складомъ русской души, или оно разложится и сгинетъ, ничего не давъ трудящемуся народу. Лишь въ связи съ величіемъ самой Россіи можетъ быть рѣшенъ у насъ соціальный вопросъ. Соціалистическое движеніе будетъ плодотворнымъ и творческимъ, если оно освободится отъ призрака соціальной революціи, который на практикѣ въ жизни ведетъ лишь къ разложенію.

Типографія Биржевого Общества. Н.-Новгородъ.